

misterium

misterium

**РУТ
РЕНДЕЛЛ**

СО СМЕРТЬЮ ОТ ДУН...

Москва
2016

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Р39

Ruth Rendell
FROM DOON WITH DEATH

Copyright © Kingsmarkham Enterprises Ltd 1978.

First published by Hutchinson.

The Author has asserted her right to be identified
as the author of the Work

Иллюстрация на переплете *Анатолия Дубовика*

Ренделл, Рут.

Р39 Со смертью от Дун... / Рут Ренделл ; [пер. с англ. Н. В. Некрасовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 256 с. — (Millennium. Английский детектив).

ISBN 978-5-699-86724-0

Маргарет Парсонс была самой обычной женщиной, не отличавшейся ни красотой, ни умом, ни богатством, ни положением в обществе. Она жила тихой, бесцветной жизнью «серой мышки» в английском захолустье. Поэтому все были поражены, когда прочли в местных газетах, что ее тело со следами удушения было найдено в соседнем лесу. Убийство явно было совершено преднамеренно и обдуманно. Проводя расследование, старший инспектор Вексфорд с изумлением обнаружил в бедном и непритязательном доме убитой массу дорогих старых книг. И каждая из них была подписана тайным и страстным поклонником Маргарет по имени Дун. Кто это? И причастен ли он к смерти женщины?..

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Некрасова Н.В., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-86724-0

Ты разбила мне сердце. Я пишу это здесь не для того, чтобы ты прочла эти слова, Минна, поскольку это письмо никогда не будет отослано. Оно никогда не поблекнет и не рассыплется от твоего смеха, смеха твоих крохотных уст, строгих и сомкнутых, смеха, подобного звуку кимвалов...

Рассказать ли мне тебе о музе, что ожидает меня? Как мне хотелось, чтобы ты вошла вместе со мною под своды ее дворца... Там источники Геликона! Там вкусила бы ты пищу духа, хлеб прозы и вино поэзии. Ах, это вино, Минна... Эта розово-алая кровь трубадура!

Но нам никогда не бывать там, Минна, ибо вместо вина ты налила мне воды безразличия. В золото был завернут мой хлеб, но ты осыпала его черепками презрения.

Воистину, ты разбила мое сердце, как бокал вина о стену...

Глава 1

Вновь ее вы позовите,
Голос ваш она узнает —
«Маргарита, Маргарита!».

Мэтью Арнольд.
Покинутый тритон¹

— Мне кажется, вы принимаете все чересчур близко к сердцу, мистер Парсонс, — сказал Барден.

Он устал, к тому же собирался вечером сводить жену в кино. Кроме того, первым, что бросилось ему в глаза, когда Парсонс впустил его в комнату, были книги на стеллаже у камина. От одних названий даже самый хладнокровный человек почувствовал бы себя неуютно: «Палмер-отравитель», «Дело Мадлен Смит», «Три

¹ Мэтью Арнольд (1822–1888) — английский поэт и культуролог, один из наиболее авторитетных литературоведов и эссеистов викторианского периода. Стоял у истоков движения за обновление англиканской церкви. (*Здесь и далее: если не указан переводчик, Пер. Некрасовой Н.В.*)

утонувшие невесты», «Знаменитые судебные процессы», «Громкие британские судебные процессы».

— Вам не кажется, что такое чтиво действует угнетающе?

— Мне интересен процесс расследования, — сказал Парсонс. — Это мое хобби.

— Вижу. — Барден собирался как можно скорее убраться отсюда. — Понимаете, нельзя сказать, что ваша жена действительно пропала. Она не вернулась за те полтора часа, что вы пробыли дома, и всё. Вдруг она пошла в кино? Я сам сейчас собираюсь туда с женой. Уверен, мы встретим ее на входе.

— Маргарет не поступила бы так, мистер Барден. Я ее знаю, а вы — нет. Мы женаты почти шесть лет, и ни разу еще я не возвращался в пустой дом.

— Давайте так. Я заеду к вам на обратном пути. Но готов поспорить — она к тому времени уже будет дома. — Он направился было к двери. — Давайте съездим на станцию, если хотите. Хуже не будет.

— Нет, я не поеду. Просто раз уж вы живете по дороге, и к тому же инспектор...

«И к тому же у вас выходной, — продолжил про себя Барден. — Будь я врачом, а не полицейским, мог бы брать левых пациентов. Готов поспорить, за деньги он ко мне не обратился бы».

Сидя в полупустом темном кинозале, инспектор думал: «Как странно. Нормальные, обычные жены, вроде миссис Парсонс, у которых всегда готов для мужа обед ровно в шесть вечера, не уходят из дому внезапно, не оставив записки».

— Ты вроде говорила, что это хороший фильм, — шепнул он жене.

— Ну, критикам он понравился.

— Ах, критикам...

Может, тут замешан другой мужчина. Но миссис Парсонс?.. Или, может быть, несчастный случай... Зря он не заставил Парсонса сразу же позвонить в участок.

— Милая, — сказал Барден. — Не могу я это смотреть. Оставайся, досмотри до конца. А я должен вернуться к Парсонсу.

— Жаль, что я не вышла за того журналиста. Он так ухаживал за мной!

— Серьезно? — сказал Барден. — Он по ночам домой не приходил бы и спал бы с газетой. Или с секретаршей редактора.

Он двинулся вверх по Табард-роуд, затем заставил себя дойти до викторианского дома, где жили Парсонсы. Окна были темны, шторы в большом «фонаре» на нижнем этаже не были задернуты. Порог выбелен, бронзовый бортик надраен до блеска. Миссис Парсонс всегда была старательной хозяйкой.

Или просто — была?

Парсонс отворил дверь прежде, чем инспектор успел постучать. Он по-прежнему был в своем аккуратном старомодном костюме с туго завязанным галстуком. Но лицо его было зеленовато-серым, как у того утопленника, которого Барден однажды видел в морге. Им пришлось тогда водрузить ему очки на распухший нос, чтобы помочь девушке опознать его...

— Она так и не вернулась, — сказал он. — Голос его осип, как от простуды; но, скорее всего, это было от страха.

— Давайте выпьем чаю, — сказал Барден. — Выпьем чаю и обсудим ситуацию.

— Я все прикидываю, что могло с нею случиться. Вокруг сплошные пустоши. Понятно, здесь же не город...

— Это все из-за ваших книг, — сказал Барден. — Это вредное чтиво. — Он снова посмотрел на блестящие обложки. На корешке одной книги на кроваво-красном фоне были изображены пистолеты и ножи. — Неспециалисту такого читать не стоит... Я могу воспользоваться вашим телефоном?

— Он в гостиной.

— Позвоню в участок. Может, есть какие-нибудь известия из больниц.

Гостиная казалась нежилой. С некоторым смятением инспектор отметил ее отполированное убожество. Он не увидел пока ни одного предмета обстановки, которому не стукнуло бы

полвека. Барден бывал во всяких домах и старинную мебель узнавал с первого взгляда. Но эту мебель никто не назвал бы антикварной и не купил бы ради красоты. Она была просто старой. «Достаточно старой, чтобы стоить недорого, — подумал Барден, — и в то же время достаточно новой, чтобы быть дешевой». Засвистел чайник, и он услышал, как Парсонс хлопочет с чашками на кухне. Послышался звук посуды, бьющейся о старый бетонный пол. Он снова подумал, что с ума можно сойти в этих комнатах с высокими потолками, среди непонятных скрипов на лестнице и в чулане, да еще читая книги, полные ядами, кровью и смертью.

— Я заявил об исчезновении вашей жены, — сказал он Парсонсу. — В больницах ее нет.

Тот зажег свет в задней комнате, и Барден вошел следом за ним. С середины потолка светила слабая лампочка в бумажном абажуре. «Ватт шестьдесят», — подумал инспектор. Абажур направлял весь свет вниз, оставляя потолок с его лепниной в темноте. Углы затягивала еще более густая тень.

Парсонс поставил чашки на буфет — монументальное сооружение из красного дерева, больше похожее на фантастический деревянный дом, чем на предмет обстановки, со всеми своими ярусами, галереями и полочками. Барден уселся в кресло с деревянными подлокотниками

и сиденьем, обтянутым коричневым вельветом. Линолеум охлаждал ноги сквозь толстые подошвы ботинок.

— У вас есть какие-нибудь мысли насчет того, куда могла уехать ваша жена?

— Я пытался думать об этом. Просто голову сломал. Ничего на ум не приходит.

— Друзья? Мать?

— Ее мать умерла. Друзьями здесь мы еще не обзавелись. Мы всего полгода как сюда переехали.

Барден помешал чай. На улице было душно и сыро. Но среди этих толстых стен и темноты казалось, что снаружи стоит вечная зима.

— Послушайте, — сказал он, — мне не хочется этого говорить, но все равно кому-то придется вас об этом спросить. Так что пусть лучше это буду я. Она не могла убежать с каким-нибудь другим мужчиной? Прошу прощения, но я обязан задать этот вопрос.

— Конечно. Я знаю, здесь обо всем этом написано, — Парсонс постучал по книжному шкафу. — Рутинный вопрос, верно? Но вы ошибаетесь. Только не Маргарет. Это просто смешно. — Он помолчал, но не рассмеялся. — Маргарет — порядочная женщина. Она проповедник без сана в уэслианской¹ церкви, что дальше по дороге.

¹ Одна из методистских церквей, названа по имени основателя методизма Джона Уэсли.

«Незачем расспрашивать дальше, — подумал Барден. — Другие будут допрашивать его, рыться в его личной жизни, хочет он того или нет, если она не вернется домой с последним поездом или автобусом».

— Полагаю, вы уже осмотрели дом? — спросил инспектор.

Он ездил по этой дороге два раза в день в течение года, но так и не запомнил, три или четыре этажа в том доме, где он сейчас находился. Его полицейский мозг пытался собрать воедино картинки, отщелканные сетчаткой его полицейского глаза. Эркерное окно на первом этаже, два раздвижных окна над ним и... да, два окна поменьше над ними под шиферными веками крыши. Уродливый дом, подумал он. Уродливый и жутковатый.

— Я посмотрел в спальнях, — сказал Парсонс. Он перестал рассказывать, и щеки его порозовели от надежды. Но страх снова стер с них румянец, когда он сказал: — А вдруг она в мансарде? Вдруг у нее голова закружилась?

«Вряд ли она осталась бы там, если бы у нее просто голова закружилась, — подумал Барден. — Тут пахнет как минимум инсультом».

— Надо пойти посмотреть, — сказал он. — Я думал, вы уже там были.

— Я звал ее. Мы туда почти не ходим никогда. Те комнаты нежилые.

— Идемте, — сказал Барден.

В коридоре свет был еще более тусклым, чем в столовой. Маленькая лампочка блекло освещала розоватые тканые ковровые дорожки, линолеум с узором под паркет в темных и светло-коричневых тонах. Парсонс шел впереди, Барден — следом за ним. Они поднялись наверх по крутой лестнице. Дом был большим, но построенным плохо и из плохих материалов. На первую лестничную площадку открывались четыре хлипкие филенчатые двери без окантовки. Эти простые фанерные прямоугольники напоминали Бардену наглухо зашитые окна старых домов.

— Я-то смотрел в спальнях, — сказал Парсонс. — Господь милосердный, а она, может, лежит совсем беспомощная наверху!..

Он указал на узкий лестничный пролет без ковровой дорожки, и Барден отметил, что он сказал «господь милосердный», а не «господи» или «боже мой», как сказали бы другие.

— Я только что вспомнил, что на чердаке нет лампочек. — Парсонс зашел в переднюю спальню и вывернул лампочку из центральной люстры. — Ступайте осторожнее, — сказал он.

На лестнице было темно, хоть глаз выколи. Барден распахнул дверь. Он был почти уверен, что они найдут ее на полу, и ему хотелось обнаружить ее как можно скорее. Пока они подни-

мались по лестнице, он все думал, какое будет лицо у Вексфорда, когда он скажет ему, что она все время лежала здесь.

На чердачном этаже было промозгло-сыро и припахивало камфарой. Обстановки в мансарде не было почти никакой. Барден смог рассмотреть лишь контуры кровати. Парсонс наткнулся на нее, потом встал на хлопчатобумажное стеганое покрывало, чтобы ввинтить лампочку в патрон. Она, как и те, что были внизу, давала недостаточно света, который, пробиваясь сквозь перфорированный абажур, расцвечивал потолок и некрашенные стены желтоватыми точками. На окне не было штор. Яркая холодная луна всплыла в черный квадрат окна и снова исчезла под фестончатым краем облака.

— Тут ее нет, — сказал Парсонс. Его ботинки оставили пыльный отпечаток на белом покрывале, окутывавшем постель как саван.

Барден приподнял его край и заглянул в постель — единственный предмет мебели в комнате.

— Посмотрим в другой комнате, — сказал он.

Снова Парсонс утомительно, раздражающе медленно вывинтил лампочку. Теперь только холодный свет из окна освещал им путь в другую чердачную комнату. Она была меньше, но с большим количеством мебели. Барден открыл сервант и откинул крышки двух сундуков. Парсонс

не сводил с него глаз — может, думал о своем так называемом хобби и о том, что может оказаться в сундуках. Но они были забиты книгами, старыми книгами вроде тех, что можно встретить на букинистических развалах.

Сервант был пуст, обои в комнате отставали от стен, но пауков не обнаружилось. Миссис Парсонс была старательной хозяйкой.

— Половина одиннадцатого, — сказал Барден, глянув на часы. — Последний поезд придет не раньше часа ночи. Она может приехать на нем.

— Она никуда не поехала бы поездом, — упрямо ответил Парсонс.

Они снова спустились по лестнице вниз, остановившись только чтобы ввернуть лампочку в передней спальне. Было что-то зловещее и пугающее в лестничном колодце, и ощущение это было привязчивым. «Наверное, из-за более яркого света», — подумал Барден. Когда они спустились вниз, он мимолетно подумал об этой женщине, о том, как она здесь жила, хлопотала по дому, пытаясь хоть чем-то украсить этот мир грязно-темных деревянных панелей и уродливо бугрящегося линолеума.

— Не знаю, что и делать, — сказал Парсонс.

Бардену не хотелось возвращаться в крошечную столовую с громоздкой мебелью и остывшими остатками чая в двух чашках. Сейчас Джин уже должна была вернуться из кино.